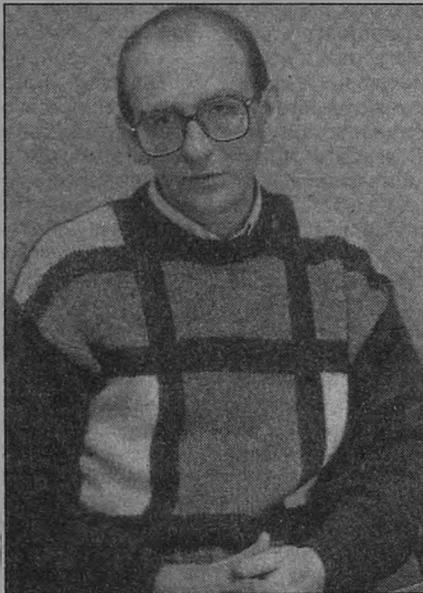

Обманщик Буйда

Романом «Дон Домино», опубликованным в 1993 году в журнале «Октябрь», Юрий Буйда вошел не только в русскую литературу последних лет, но и в шестерку финалистов Букеровской премии. О «Доне Домино» «Московские новости» писали дважды. В третий раз — слово автору.

Николай ГАЛКИН

странно читать все эти вещи, потому что, если говорить о влияниях, то они были несколько иными. Я много и внимательно работал с русскими летописями. Это потрясюще богатый по стилистическому разнообразию и фантазии материал. Там не делалось различий между чудом и бытовой формой. Феодосий Печерский, как известно летописцу, еще во чреве матери подпевал священнику. Что еще нужно, какой Гарсиа Маркес?! Я люблю изустные предания, одно из которых, например, свидетельствует, что при крещении Нестора Махно на священнике вспыхнула риза. Потрясающая деталь! Вниманием к таким вещам просто перенасыщена вся русская литература вплоть до начала XVII века. Возьмите старобрядческую литературу, «Житие протопопа Аввакума» — это несказанное богатство!

— Очередное присуждение Букеровской премии подхлестывает рассуждения о кризисе или конце романа. Что вы думаете по этому поводу?

— Дело не в самом романе, а в том, что — как выразился канадский лингвист Маршалл Маклюэн — мы живем на переломе культурных эпох. Ценность личности была осознана христианством. До этого мир был другим: ценился пантеон, а не церковь, люди, общество, а не отдельный человек. Христианская оценка человека стала для нас аксиомой, а не теоремой. Собственно, вся история культуры последних двадцати веков вращалась вокруг темы личности. Апофеоза это достигло в эпоху Ренессанса. Итальянский мыслитель Пико делла Мирандола одну из своих речей, где говорил о человеке, начал так: «Я поставил тебя в центр мира». Только в XIX веке Достоевский, Ницше, осмысли-

вая опыт в том числе и Шекспира, написавшего «Гамлета» и «Макбета», усомнились в том, что свобода человека уж такое безусловное благо: она может перерасти в то самое своеволие, которое вздергивает человека на дыбу. Этот тип культуры нашел финальное завершение в творчестве Джойса, Кафки и Пруста, которые каждый в своем ключе развили все, что было заложено у Достоевского. (Кстати сказать, и нацизм, и сталинизм, с философской точки зрения, тоже были завершением идеи величия человека). Тот самый

Единственный стал одиноким.

Если раньше человек был мерой всех вещей, то сейчас вещь стала мерой человека. Кто-то из американцев хорошо сказал: я есть то, что у меня есть. Замечательная формула. Вот тот гигантский путь, который прошла культура. История романа как раз напрямую связана с этим, он продемонстрировал свою исчерпанность. После появления «Улисса» стало ясно, что идти дальше некуда. Возникли последователи, развивающие его в духе постмодернизма, что, как правило, неинтересно. В этом смысле все типы традиционного романа исчерпаны. Но человек-то не исчерпан. И тут, видимо, речь может идти о жанровых предпочтениях. Возможно, что сейчас все бросается читать только стихи и забудут, что есть замечательная проза, скажем, Достоевского и Толстого. Такое в истории культуры случалось очень часто. Столетиями не читали Рабле. Много лет на английских сценах ставили Шекспира, но только XX век по-настоящему его прочел и понял. Я вовсе не исключаю, что в XXI веке не будут читать Чехова. Вспышка интереса к его драматургии в нашем веке с бесчисленными постановками и экранизациями

вполне может смениться тем, что в будущем столетии о нем будут говорить как о претенциозном, манерном и искусственном авторе. Это может нас печалить, злить, но такие вещи свойственны людям.

— Кто из современных прозаиков вам интересен?

— Я очень привередливый читатель. У меня мерки, о которых я стараюсь молчать: если уж поэт, так Данте или Шекспир. Но с другой стороны, есть несколько имен, которые вызывают у меня любопытство и интерес. Например, Сорокин. По методу совершенно чуждый мне писатель. Я называю его взгляд на жизнь смесью безумия с математикой. А это гремучая смесь. В русской литературе она давала потрясающие эффекты: отдельные сцены в «Братьях Карамазовых» представляют смесь безумия с жесткой логикой — автор детально описывает бред. Это и есть репортаж из ада. Примерно такой же репортаж из ада ведет и Сорокин. Поначалу мне казалось, что там больше математики, ведь метод у него небогат, но, прочитав «Месяц в Дахау», я понял, что это действительно смесь безумия с математикой.

Мне очень понравился роман Михаила Шишкина «Всех ожидает одна ночь». Может быть, потому, что я и сам неравнодушен к приему, стилизации, формальному совершенству, что, собственно, для писателя и является самым главным. Писатель работает с языком и только перед ним отвечает, а поскольку, по Вяземскому, «язык есть исповедь народа», можно представить себе меру ответственности. У Шишкина есть чутье на русский язык, а это редкий дар. У него, мне кажется, очень серьезный потенциал.

Интересно работает с сюжетом Владимир Шаров. Это искусство кройки, шитье — другой разговор. Кстати, у нас очень мало людей, в том числе среди детективщиков, умеющих работать с сюжетом.

— Как вы относитесь к Букеровской премии?

— В Букере есть один хороший момент, которого нет в других премиях, — сюжет, интрига, позволяющие привлечь внимание читателя к нашей текущей словесности. Это уже хорошо. Но критики пишут об участвующих произведениях и их авторах с такой серьезностью, как будто похоронная команда собралась к торжественному выезду: вот-вот кого-то похоронят. Это, конечно, тот человек, который получает 10 тысяч английских фунтов. Надо к этой ситуации относиться с юмором. А вокруг нее закипает какое-то ожесточение. Это что, единственная премия в России? Если человек ее получил, что, он величайший или, наоборот, ничтожнейший писатель? Это просто один из фактов нашей богатой на события жизни.

— Юрий Васильевич, как случилось, что вы стали писателем?

— Писать я начал очень давно, еще в школе. Текстов было много, но, часто переезжая по служебным нуждам, я все время оказывался в домах с печками... Однажды случился, с одной стороны, смешной, с другой — драматический эпизод, когда я ожег почти все, что у меня было. В 29 лет я собрался дебютировать, дело шло к подписанию договора. И вдруг я понял, что не хочу предстать перед читателем с текстами, в которых было все, что положено, включая бригадный подряд. В то же время были вещи, которые я писал для себя. Об их публикации я особенно не задумывался, да мне их и показать-то до поры до времени было некому. Надо попытаться представить себе жизнь писателя, работающего в провинциальной партийной прессе, — другой там просто не было. Писательство было для меня островом, на который никто не мог вторгнуться. Это создавало фантастическую ситуацию, придававшую мне уверенность и даже некоторую наглость в отношении к внешней жизни.

Есть еще одно обстоятельство. С моей фамилией и в том месте, где я родился, нельзя не быть писателем. Моя фамилия в переводе с польского означает ложь, сказка, байка, миф, легенда, предание. С другой стороны, что такое Калининградская область? Это Восточная Пруссия, 700 лет принадлежавшая крестоносцам, а потом Германии. И вот туда пошли эшелоны с «направленцами» буквально из всех областей России. Люди приехали, обосновались, стали жить. Но человеку необходимо понять, где он живет, что здесь было прежде. Ведь немцев депортировали в течение одного года, а там не осталось ни одного человека, который мог бы сказать: это моя земля. В России ты легко можешь узнать, что здесь было 500 или 1000 лет назад, есть доступные источники. Здесь же не было ничего: в лучшем случае в спецхране на немецком языке, в худшем — полусведения, полуфакты. Ну а поскольку человек — животное фантазирующее, он начинает историю просто выдумывать. Вам в любом городке или поселке Калининградской области расскажут десяток легенд, связанных с какими-то подземными ходами, ведущими аж в Берлин, с кладами, зарытыми где-то поблизости, и Бог знает с чем еще. Поэтому калининградец по определению должен быть мифотворцем и писателем.

— Говоря о вашей прозе, критики часто проводят параллели с латиноамериканской литературой, в частности с Гарсиа Маркесом.

— Я как-то выписал целую колонку имен тех, с кем меня сравнивают. Это Гарсиа Маркес, Варгас Льюса, Фолкнер; Климонтович сравнил меня с Феллини и с английским писателем Голдингом, которого я, увы, не читал, и т.д. Все зависит от эрудиции критика, для него это возможность блеснуть. Для меня, честно сказать, было несколько